

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ НОМЕР

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Злополучный номер / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-248556-5

В меблированных комнатах подмосковного города Дмитрова убит коммивояжер Григорий Стасько. Смерть наступила от удара в висок кастетом, причем номер был заперт изнутри, а окна закрыты. На момент заезда у постояльца были две корзины дорогих карманных часов и солидная сумма денег, которые потом исчезли. Дело поручено судебному следователю Ивану Федоровичу Воловцову. Под подозрением оказывается мещанка Кац, которая до этого грозилась расправиться со Стасько за обиженного им мужа. К тому же ее брат успел расплатиться в ближайшем борделе часами из багажа убитого коммивояжера. Кажется, картина преступления ясна... Но Воловцова мучают сомнения. И не случайно: неожиданно в деле появляется новый подозреваемый...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248556-5

© Сухов Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

• 1 •

**НАЧАЛЬСТВО НЕ ЛЮБИТ, ЧТОБЫ
СОТРУДНИКИ ОТДЫХАЛИ ДОЛГО,
ИЛИ НОВОЕ ДЕЛО СУДЕБНОГО
СЛЕДОВАТЕЛЯ ВОЛОВЦОВА**

Напольные часы в приемной председателя Департамента уголовных дел Московской Судебной палаты Геннадия Никифоровича Радченко пробили девять звонких ударов. С десятым ударом двери растворились, и в приемную вошел сам председатель Радченко — человек тридцати восьми лет от роду, безбородый, безусый и с весьма приятной, располагающей наружностью. Кивком головы он поздоровался с секретарем, пожал руку судебному следователю по наиважнейшим делам Воловцову, которому было назначено на девять утра, и прошел к себе

в кабинет, оставив дверь слегка открытой. Это означало, что в кабинет можно войти. Воловцов знал привычки своего непосредственного начальника, но все же вопросительно глянул на секретаря: «Я войду?» — «Входите», — кивком головы разрешил секретарь, и Воловцов, выждав еще пару мгновений, переступил порог кабинета председателя департамента...

— Рад видеть вас в добром здравии, Иван Федорович, — произнес Геннадий Никифорович, указывая на стул подле своего письменного стола. — Как отдохнули?

— Благодарю вас, отдохнул хорошо, — ответил Воловцов, присаживаясь на стул. — Похоже, выспался на неделю вперед.

Со стороны можно было подумать, что судебный следователь Воловцов только что вернулся из вакации, иначе из длительного отпуска, который он провел, к примеру, вдали от Первопрестольной, в своем родовом имении, где только и делал, что ходил по гостям, вкушал различные деликатесные яства, пил с соседскими помещиками мадеру с малагой и спал не менее, нежели до полудня. Однако в действительности все было не так. Никакого родового или иного имения за Иваном Федоровичем Воловцовым не числилось, да и отпуска, как такового, у него не было.

Просто по завершении дела о двойном убийстве в Хамовническом переулке и ночной засады в Детской клинической больнице, где преступник-убийца был взят с поличным, начальство выделило ему день отдыха, что, видимо, с их точки зрения, и считалось отпуском. Впрочем, судебный следователь Воловцов от дела никогда не отлынивал и бесцельному отдыху предпочитал служение Государю и Державе в благороднейшем деле очищения Отечества от злоумышленников и законопреступников. Хотя судебному следователю по наиважнейшим делам коллежскому советнику Ивану Федоровичу Воловцову можно было бы дать отдохнуть и побольше, поскольку дело о двойном убийстве в Хамовниках оказалось весьма запутанным и крайне непростым...

Суть дела была следующей.

Пятнадцатого декабря прошлого года, в половине девятого вечера, в доме мещанки Стрельцовой, что стоит на углу Хамовнического и Божениновского переулков, в квартире главного пивовара Хамовнического медопивоваренного завода Алоизия Осиповича Кара были обнаружены еще теплые тела его жены Юлии Карловны и дочери Марты. Также в комнате Марты в крайне тяжелом состоянии находилась младшая дочь Алоизия Кара — Ядвига. Всем им, в том числе

и Ядви́ге, были нанесены проникающие ранения головы тяжелым предметом наподобие топора или колуна. Орудие убийства со следами крови лежало на кухне. Им и в самом деле оказался колун, с месяц назад пропавший у дворника Фёдора. Однако правда о его пропаже выяснилась лишь после того, как дело принял в свое ведение судебный следователь Воловцов.

Первым тела убиенных обнаружил сын Алоизия Осиповича, Александр, дожидавшийся на кухне, когда вернется из кондитерского магазина слуга семейства Кара Василий Титов, которого Кара-младший послал за карамелью. Александр собирался к своей невесте Клавдии Смирновой, поскольку она намеревалась поутру следующего дня ехать в Боровск, а потому надлежало проститься с ней соответствующим образом: он накупил ей подарков (в том числе дорогих ювелирных украшений), но забыл про карамель, которую барышня очень любила. Вот и послал за ней в магазин слугу. Дожидаясь Титова, Александр, как он сам показывал на допросах, слышал «душераздирающие» крики, доносившиеся из комнаты Марты, кинулся туда и увидел, что Марта убита, а неподалеку лежит тяжелораненая Ядвига. В столовой им была обнаружена мать, не подающая признаков жизни. В отчаянии Александр

кинулся за помощью к доктору Бородулину, который проживал этажом выше, в надежде, что еще можно спасти Ядвигу. А когда он выбегал в сени, то увидел впереди себя убийцу матери и сестры, тоже выбегавшего в сени, но со стороны залы. Преступник очень быстро миновал переднюю и выскочил на улицу, так что преследовать его уже не имело смысла. Александр только успел запомнить, что у преступника была узкая спина, приподнятые плечи и бритый затылок. И одет он был в черное полупальто.

А потом все пошло своим чередом: семилетнюю Ядвигу отвезли в Детскую клинику на Девичьем поле, приехала полиция во главе с помощником пристава Холмогоровым, начались допросы и следствие. Обнаружение в спальне четы Кара открытого сундучка, где хранилось семейное добро, а также валявшихся у двери пятисотрублевой и сотенной купюр навело Холмогорова на мысль, что преступник в отсутствие хозяина проник в квартиру с целью ограбления. Он знал, что Алоизий Кара всегда по субботам уезжал в чешский клуб, поскольку был чехом и австрийским подданным, и что в квартире находятся одни женщины, с которыми он намеревался легко справиться. И справился: хладнокровно зарубил их загодя припасенным колуном. Но закон-

читать свой преступный умысел ему помешал вбежавший Александр Кара. Он бросился на крик младшей сестры и спугнул смертоубийца, у которого при бегстве выпали деньги, похищенные из сундучка в спальне и обнаруженные помощником пристава Холмогоровым. Только вот как на кухне оказался окровавленный колун? Это был вопрос вопросов, поскольку на кухню, где дожидался Василия Титова Александр Кара, преступник попасть никак не мог...

В ходе следствия, к которому подключился начальник московского сыскного отделения коллежский советник Лебедев, под подозрение попали четыре человека: проживающий в Боже-ниновском переулке и имеющий звероподобный вид крестьянин Иван Гаврилов, отбывший четыре года в исправительном арестантском отделении, нищий немец Рауль Шнитке, побирающийся в Хамовниках, слуга семейства Кара Василий Титов и... сам Александр Кара. Последний попал под подозрение благодаря нахождению орудия убийства — того самого окровавленного колун — на кухне, где, по показаниям самого Александра, он дожидался слугу Василия Титова.

В ходе следствия Шнитке и Титов из числа подозреваемых отпали, а вот Иван Гаврилов и Александр Кара были «оставлены в серьезном

подозрении». Но поскольку никаких прямых улик против них не имелось, дело о двойном убийстве в Хамовническом переулке было вскоре закрыто «за ненахождением виновных» и положено на полку нераскрытых дел...

Конечно, такой результат никак не мог удовлетворить Алоизия Осиповича Кара, потерявшего жену, старшую дочь и сделавшегося отцом искалеченной младшей дочери Ядвиги. Пивовар, недолго думая, написал на имя государя императора письмо-жалобу, где просил державного венценосца защитить его интересы, как иностранного подданного, и найти убийцу членов его семьи. Государь проникся, поддержал несчастного вдовца и обратился в Сенат с просьбой провести по делу о двойном убийстве в Хамовническом переулке новое следствие. Правительствующий Сенат данную просьбу посчитал приказом и поручил Судебной палате возобновить следствие по делу гибели семьи Кара. А его превосходительство московский окружной прокурор действительный статский советник Завадский поручил это дело Ивану Федоровичу Воловцову. Дело получило статус наиважнейшего, а судебный следователь Воловцов стал обладателем документа, предписывающего всем чинам и должностным лицам оказывать ему в расследовании двойного

убийства в Хамовническом переулке всяческое посильное содействие...

Иван Федорович начал с того, что вдоль и поперек изучил само дело и прочел не по одному разу все протоколы допросов.

Затем снял со свидетелей новые показания, заставив припомнить детали, которые не вошли в первые протоколы допросов. Некоторые из этих деталей явно наводили на мысль, что убийца не кто иной, как Александр Кара, хотя в голове просто не укладывалось, что сын может убить любящую мать, сестру и покушаться на жизнь младшей сестры...

Укрепившись в своих подозрениях, Воловцов стал плести вокруг Александра Кара сеть. Тот это почувствовал и предпринял ответный ход, в результате которого Иван Федорович имел весьма нелицеприятный разговор с окружным прокурором Завадским, закончившийся тем, что прокурор дал Воловцову на расследование дела всего неделю, после чего, если убийца не будет найден, пообещал отстранить его и передать дело другому судебному следователю.

Шли день за днем, а Воловцов не мог найти против Александра ни одной прямой улики. А у того, похоже, стали сдавать нервы. Он явился в полицию с заявлением, что знает, кто убил его

мать и сестру, и показал на Ивана Гаврилова... Конечно, Гаврилов был арестован, и дело могло вот-вот закрыться, так и оставив преступника разгуливать на свободе. Но Воловцов, сговорившись с начальником московского сыскного отделения Лебедевым, устроил для Александра Кара ловушку. Воловцов переговорил с профессором Прибытковым, московским врачебным светилом, под наблюдением у которого находилась бедная Ядвига Кара, чтобы тот сказал отцу и сыну Кара, что будто Ядвига пошла на поправку и не сегодня завтра назовет имя убийцы. Обеспокоенный Александр решил довершить начатое и убить Ядвигу, ставшую для него крайне опасным свидетелем. Он проник ночью в Детскую клинику, зашел в палату, где лежала сестра, и намеревался задушить ее подушкой, но ему помешали это сделать Воловцов и Лебедев. Более того, у них имелся свидетель покушения на убийство Александра Кара — сестра-нянечка клиники. Триумфальное завершение дела в связи с нахождением и обличением преступника, причем в последний день срока, данного окружным прокурором Завадским Ивану Федоровичу, делало судебного следователя Воловцова героем дня и несомненным победителем. После такого дела судебному следователю по наиважнейшим делам Департамента уголовных

дел Судебной палаты Ивану Федоровичу Воловцову действительно можно было дать отдохнуть и побольше, нежели один день. Но пути начальства, как и пути Господни, неисповедимы...

Итак, поблагодарив Радченко за теплые слова в его адрес, Иван Федорович присел на предложенный стул и весь обратился во внимание. Ведь вызван он был к десяти утра — время, весьма раннее для председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты, — потому что для него было уготовано новое дело, которое Радченко и собирался поручить ему, судебному следователю Воловцову, выпавшемуся, как он сам признался, «на неделю вперед». Наверное, лучше было бы не говорить таких слов...

— Как я вас ранее и информировал, — начал Радченко, — вам поручается вести следствие по новому делу, которое мы условно назвали «Убийство коммивояжера». Расскажу вам коротко суть дела: в Дмитрове две недели назад, то есть семнадцатого сентября сего года, в меблированных комнатах Малышевой остановился коммивояжер Григорий Иванович Стасько, приехавший из Москвы с двумя корзинами карманных и наручных часов и весьма приличной суммой денег. На следующий день его нашли мертвым, с признаками насильственной

смерти, причем номер был заперт изнутри, а окна закрыты. Деньги исчезли, кроме того, похищено более двух десятков золотых и серебряных, преимущественно женских, часов. Местная полиция и следователь зашли в тупик, поскольку главного виновника убийства обнаружить не удалось. Владелец меблированных комнат мещанка Глафира Малышева и ее младшая сестра Кира арестованы по обвинению в соучастии и укрывательстве преступления и в настоящий момент содержатся в Дмитровской следственной тюрьме. Привлечена и арестована за подстрекательство к убийству московская мещанка Зинаида Кац. Дело в том, что полтора месяца назад Григорий Стасько помог полиции найти и задержать ее мужа Хаима Каца, находящегося под следствием и в розыске за присвоение денег у разных лиц, в том числе и пяти-сот рублей у Стасько. По задержании Хаима Каца его жена Зинаида заявила Стасько, что это ему даром не сойдет и что вскорости он будет убит. Месяц Стасько не выходил из дома, опасаясь мести, однако коммерческие дела требовали своего разрешения, и в первый же его выезд по делам он, как видите сами, был убит. Так что Зинаида Кац арестована и содержится ныне в Бутырской тюрьме. Однако все улики против них косвенные... Хороший присяжный поверенный без особого

труда развалит дело против этих трех женщин, и присяжные заседатели непременно вынесут им оправдательный вердикт. Суд будет вынужден освободить их от полицейского надзора, то есть не оставит даже в подозрении. После чего дело об убийстве коммивояжера можно класть на полку нераскрытых дел в архив, что, как вы сами понимаете, — Радченко при этом со значением посмотрел в глаза Ивана Федоровича, — для нас крайне нежелательно. Поэтому дело это возведено в разряд наиважнейших и поручается вам, уважаемый Иван Федорович. С деталями дела и протоколами допросов свидетелей вы сможете ознакомиться в Дмитрове, в полицейской управе...

— Ясно, Геннадий Никифорович, — поднялся Воловцов. — Разрешите приступить?

— С чего начнете? — заинтересованно посмотрел на него председатель Департамента уголовных дел.

— Побеседую сначала с супругой убиенного коммивояжера Стасько, — охотно ответил судебный следователь по наиважнейшим делам. — Потом сниму допрос с подстрекательницы Зинаиды Кац. Если же ничего не будет держать в Москве, поеду в Дмитров...

— Хорошо, — согласился с доводами Воловцова председатель Департамента. — Зайдите в кан-

целярию, получите все нужные бумаги и деньги на командировочные расходы. И... желаю вам удачи!

— Благодарю вас, — пожал протянутую ладонь Иван Федорович и покинул кабинет Радченко.

Новое дело... Три женщины, непосредственно не убивавшие, но принимавшие косвенное участие в убийстве и, возможно, знающие преступника... Ладно, поглядим, что к чему...

• 2 •

«ЭТО ОНА НАСТОЯЩАЯ УБИВИЦА», ИЛИ ДОПРОС В БУТЫРКАХ

Супруга коммивояжера Стасько с двумя детьми, восьми и двенадцати лет, проживала в Замошкворечье в собственном доме с мезонином по Арсеньевскому переулку, в квартале от Конной площади. Встретила Клавдия Стасько судебного следователя отчего-то настороженно, на вопросы его отвечала весьма неохотно, с необъяснимой опаской. Но когда речь зашла о Зинаиде Кац, сделалась ядовитой и шипящей, какой может быть только кобра, поднимающая голову. Понять ее, конечно, можно: убили мужа-кормильца

и, вполне возможно, не без участия этой самой Зинаиды...

— Этот Хаим Кац — мошенник! Насобирает денег у многих торговцев и держателей лавок в Замоскворечье. У Власа Полуянова, купца Никиты Севастьянова, ювелира Генриха Фонгаузена, часовщика Яцека Мандалевича, еще у кого-то, всех и не упомнишь... — с дрожью в голосе, выдававшей бурлящее желание праведной мести, говорила Клавдия Васильевна. — У моего Гриши пять сотен взял, сволочь эдакая. Под ходовой товар, который он якобы должен был привезти из Варшавы. И сгинул, гадское отродье. Сказывали, тыщ двенадцать набрал денег серебром! Не худо, правда? — Стасько посмотрела на Воловцова, ища сочувствия, и Иван Федорович понимающе кивнул. — Искали его, в полицию заявляли. Оказалось, ни в какую Варшаву он не ездил и вообще, похоже, из Москвы даже не выезжал. Но как найдешь его в таком городе, как Москва? Поначалу за домом следили — вдруг к семье своей заявится? Потом слежку сняли, а самого Каца объявили по всем губерниям в имперский розыск. Тогда Гриша мой и Никита Севастьянов, его хороший приятель, сами стали за домом присматривать, благо он недалеко тут стоит, на Большой Серпуховской, возле новой богадельни для душевнобольных...

И заметили, что по вечерам к Кацам зачастила какая-то высоченная худая старуха. Идет к ним, а сама оглядывается, будто опасается кого. Однажды после ее прихода Гриша решил в окошко к Кацам заглянуть и разговор подслушать, поскольку они с Севастьяновым полагали, что старуха эта весточки от Каца супружнице его носит... Ну, пробрался Гриша во двор, к окошку прильнул и слышит, что старуха-то мужицким голосом разговаривает. А как платок-то сняла — глядь, а это сам Кац и есть. Ну, Гриша мой бегом в Серпуховскую часть, нашел помощника пристава и все ему выложил: что, дескать, разыскиваемый по всем губерниям мошенник и подлюга Хаим Кац находится у себя дома в бабьем, стало быть, обличье. Помощник пристава снарядил наряд, сам собрался, обложили дом Кацев, ну, и Хаима-то тепленьким и взяли. Прямо, говорят, в постельке Зинаиды его и заарестовали. Без порток. Орала Зинаида Захаровна благим матом «на всю Ивановскую», как потом мне Гриша рассказывал. А затем объявила во всеуслышание, что это ему, Грише, даром не сойдет и что он уже не жилец на этом свете, вскорости его-де убьют, как шелудивого пса. Видите, — шмыгнула носом Клавдия Васильевна, — так оно и вышло...

— Сочувствую, — искренне отозвался Иван Федорович и действительно сочувственно посмо-

трел на женщину. — Но, может, это только одни угрозы были, а до дела с ее стороны и не дошло? Ведь вы же знаете, так часто бывает: насолят человеку сильно, вот он в ярости и грозитя убить, но далее угроз его действия не идут...

— Нет! — Клавдия Стасько так гневно зыркнула на Воловцова, что того едва не передернуло. — Это были не только угрозы, господин судебный следователь. Опосля арестования Каца я двух подозрительных типов видела подле нашего дома. Мнутя, будто кого-то ждут, папиросы одну за другой курят и все на наши окна поглядывают. У этой Зинаиды Кац четверо братьев имеется и, вообще, родни по Москве навалом. Верно, кто-то из них возле нашего дома тогда и терся. А однажды слышу, — Клавдия Васильевна перешла почти на шепот, — возле окон наших шоркается кто-то. Ну, я осторожненько занавесочку отодвинула, гляжу: стоят. Опять двое. Те или не те — не разглядела, поскольку темно уже было. А потом слышу, один другому и говорит: «Вот здесь, дескать, эта собака Стасько и проживает»...

— А в полицию вы по поводу этих двоих обращались? — спросил судебный следователь по наиважнейшим делам.

— А то! — Клавдия Васильевна посмотрела на Воловцова, как на больного. — В тот самый день

и пошла, когда те типы возле нашего дома папиросы курили. Только мне в участке ответили, что ничего-де поделать не могут, поскольку никакого состава преступления у этих двоих покудова не наблюдается. Мол, стоять граждане российской империи могут где угодно и когда угодно. И курение папирос, мол, покуда нашим законодательством не запрещено. Месяц, ровно месяц Гриша дома безвылазно просидел, бедняжка, — покачала женщина головой, едва не плача. — Все дела свои забросил, убытку неисчислимого сколько понес. И я его не пускала, да и он сам из дома не рвался, мести со стороны кацовской родни опасался. И не напрасно. Только из дому вышел, так его в первую же поездку и убили...

Стасько хотела еще что-то добавить, поперхнулась и быстро отвернула лицо в сторону.

— Ясно, — подытожил нелегкий разговор со вдовой коммивояжера Стасько Иван Федорович. Что эта Зинаида Кац могла заказать Григория Стасько — и к гадалке не ходи. Женщины — создания на месть падкие и всегда готовы ее совершить. Хлебом их не корми, дай только подлость, а то и жестокость какую обидчику своему содейать. А тут — мужа у женщины отняли. Кормильца. Такая запросто могла кого-либо из родни подговорить на убиение коммивояжера. За деньги,

конечно, которые, надо полагать, у Зинаиды Кац имелись. Ныне такие времена пошли, что и за сотенную, не моргнув, пришить могут...

— Да вы не сомневайтесь, господин хороший, — аккуратно в унисон мыслям судебного следователя произнесла Клавдия Васильевна, снова повернувшись к нему. — Эта Зинка Кац — настоящая убивица моего мужа Гриши и есть...

— Вы, значит, в этом уверены, — скорее констатировал, нежели спросил, Иван Федорович.

— Уверена! — воскликнула вдова коммивояжера и для пущей убедительности истово перекрестилась...

«Бутырки»...

Нечто отчаянно-безнадежное присутствовало в самом этом слове. Будто на что-то важное, что прежде составляло мечты и душевные чаяния, обрушилось навсегда, и оставалось лишь в сердцах махнуть рукой, всем разом, дескать, «ну, и хрен с ним»...

Само словечко — «бутырки» — пришло с Волги и означало не что иное, как человеческое жилье на отшибе. Бутырки и были раньше таковым жильем: на месте тюремного замка на обочине дороги, некогда ведущей в город Дмитров, стоял скромный починок, выросший в небольшую де-